

«На свете есть только одно положительно
прекрасное лицо – Христос,
так что явление этого безмерно,
бесконечно прекрасного лица уж конечно
есть бесконечное чудо».

(Ф.М. Достоевский)

ПРОРОК

Есть книги, которые как бы лежат под спудом, ждут своего часа, чтобы явить себя миру. Кажется, что они забыты, но на самом деле они живут в самой толще народной, как та живительная подземная влага, которая питает чистые ключи народного сознания, исконной жизни.

Так произошло с нашей Православной верой, которая почти через восемьдесят лет заточения вырвалась на свет и вновь обрела свою несокрушимую силу. Начало этого возрождения было положено в 1988 году, когда власть разрешила открыто праздновать Тысячелетие

Крещения Руси. Так и с наследием великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского, двухсотлетие со дня рождения которого и стосорокалетие со дня кончины мы отмечаем в 2021 году. И весь год объявлен Годом Достоевского.

Советская атеистическая пропаганда, в том числе и литературоведение, литературная критика, не могла замолчать гения не только русской, но и всей мировой литературы. С бесчисленными оговорками, с пространными комментариями, мелким шрифтом и как бы шепотом всё же говорилось о Достоевском.

После столь длительной паузы вернуть народу объективное, истинно христианское понимание творчества Достоевского оказалось не так-то просто. Потому что понять его романы, повести, рассказы, публицистику без осознания, что фундаментальная основа его творений есть Православие, невозможно.

Слава Богу, в последние годы вышли у нас в стране глубокие книги о творчестве Достоевского, на которые ссылается автор. Здесь, прежде всего, хотелось бы назвать книгу профессора М. М. Дунаева «Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв.»¹, где есть большая аналитическая статья о творчестве Достоевского, раскрывающая православную основу его творений. «“Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла...” — такое признание можно прочитать в последней записной тетради Федора Михайловича Достоевского... Не в этих ли словах его — ключ к пониманию всего наследия писателя? Нет сомнения. Здесь ясное указание на путь и на итог пути, каким он прошел в жизни». И далее Михаил Михайлович пишет: «И он вновь призывает искать правду, а не выгоду — *и это все приложится вам*². Правда же — в Православии.

В нем — и основа единства всеобщего, всечеловеческого...»

Примечательна и книга протоиерея Дмитрия Григорьева «Достоевский и церковь»³, в которой помещены статьи и очерки писателей, философов, публицистов Русского Зарубежья — от К. П. Победоносцева и К. Н. Леонтьева до архиепископа Иоанна (Шаховского).

А сборник, что вы сейчас раскрыли, займет свое место среди тех изданий, посвященных творчеству и жизни Достоевского, которые показывают православное самосознание писателя как фундамент его творений. Именно православное самосознание определило итог его жизненного пути: встреча Достоевского со Христом превратила заурядного террориста в великого писателя.

С творчеством и с самим Алексеем Алексеевичем Солоницыным мне довелось познакомиться более четверти века назад, когда началось мое служение на Самарской земле.

Солоницын тогда вел православную телепрограмму «Путь» на негосударственном канале СКАТ (Самарское кабельное телевидение). Эта программа стала одной из первых православных передач в России. Естественно, что мне пришлось познакомиться и с ее автором, и с его книгами и фильмами, ибо он писатель и кинематографист. И чем больше я узнавал Алексея Алексеевича, тем больше проникался доверием к его творчеству. Поэтому и рекомендовал его в руководители общественного движения «Самара Православная», которое он возглавлял десять лет.

Близкой мне оказалась и его любовь, даже несколько чрезмерная, к творчеству и жизни Достоевского. Дело в том, что я еще с семинарской скамьи был серьезно увлечен книгами этого великого русского писателя. Значение и высоту творчества нашего национального гения помог мне понять еще в юности покойный блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан),

в то время ректор Московских духовных школ. Достоевский был одним из его любимых писателей. И я, определенный к нему в иподиаконы, стал читать книги, которые давал мне мой духовный наставник. Вместе с владыкой Владимиром мне довелось служить и в Женеве, когда он был определен Экзархом Русской Православной Церкви Московского Патриархата Западноевропейских стран, бывать во многих столицах и городах Европы, а потом и в России. И когда заходил разговор о литературе, книжности, если упоминалось имя Достоевского, оно служило как бы пропуском ко взаимному пониманию, приверженности Христу Спасителю.

Достоевский привлекает каждого читающего человека именно этим глубинным свойством души, показанным в его книгах с такой эмоциональной силой, какой не найдешь ни у одного писателя. Даже мирового уровня. Рассказать об авторе такой трудной, порой остродраматической судьбы и такой

истой веры необычайно сложно. Но в своей повести «Я жажду» Алексей Солоницын справляется с этими трудностями, выбрав форму строго документального повествования, выраженного между тем в удачной художественной форме. Примечательно, что сюжетом повести автор выбрал факт, малоизвестный в литературоведении, взяв для доказательства причин смерти Федора Михайловича одну из тех версий, которые другие исследователи его жизни и творчества или упоминают вскользь, или вообще, как и в советские времена, обходят молчанием. На мой взгляд, автор в своей версии доказателен. Ибо его соседом по петербургской квартире действительно был один из руководителей «Народной воли», некто Александр Баранников, арестованный как раз в ту ночь, когда у Достоевского горлом пошла кровь.

Описывает Солоницын и хронику процесса над народовольцами так называемой группы «Двадцати». Видно, что и здесь автор

повести серьезно изучил документы: в описании подготовки убийства царя Александра II он художественно убедителен, показав в то же время преступность и бесчеловечность терроризма, в какие бы одежды он ни рядился.

Во второй части книги, названной «Достоевский как вестник Христа», где помещены размышления Алексея Солоницына, примечательно, прежде всего, личное, пережитое самим автором при чтении книг и просмотре кинофильмов, спектаклей, созданных по произведениям Федора Михайловича. Это, на мой взгляд, усиливает интерес к книге. Мы узнаем, что родной брат писателя, Анатолий Солоницын, вошедший в историю мирового кино как исполнитель роли преподобного Андрея Рублева в одноименном фильме известного кинорежиссера Андрея Тарковского, воплотил на экране и образ любимого писателя в фильме «**26 дней из жизни Достоевского**». Как промыслительно совпали

жизненные обстоятельства артиста и великого писателя, над воплощением образа которого он трудился, не жалея себя, готовый на любые жертвы, говорится в главе «Человек есть тайна». Это личное, душевное, привнесенное в книгу, делает ее эмоционально окрашенной, поднимает ее и на духовную высоту.

Но и саму эту высоту, вернее, ее грани, высветляет в своей книге автор. «Удивительно, — пишет он, — как неожиданно становятся самыми современными книги Достоевского. То желанием подростка обязательно разбогатеть, стать Ротшильдом (роман “Подросток”), то проверить “я или Наполеон, или тварь дрожащая” и ради этого убить старушку-процентщицу, а заодно и ее родственницу (“Преступление и наказание”), то вдруг возникнуть новоявленным революционером, который заявляет, что ради счастья человечества если необходимо, то можно и даже нужно снести “сто миллионов голов” (“Бесы”). На этом романе, на главе

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ (ПОЛЕТКИН)

“У Тихона”, Солоницын и сосредоточивает свое внимание в статье “Грозный кулачок девочки Матрешки”. И пишет о том, как Достоевский показывает моральное падение главного персонажа романа и его конец в петле на чердаке имения. Вот что ждет всех извращенцев, подобных Ставрогину, ради “эксперимента” развратившему девочку Матрешу».

Думается, что сборник «Пророк в своем Отечестве» Алексея Солоницына будет интересен всем, кто любит читать произведения о жизни и творчестве Федора Михайловича Достоевского.

*Митрополит Самарский
и Новокуйбышевский
Сергий (Полеткин)*

ВСТУПЛЕНИЕ

Великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский родился 12 ноября 1821 года. Скончался 10 февраля 1881 года. Получается, что ныне мы отмечаем двухсотлетие со дня его рождения и сто сорок лет со дня кончины.

Значение творчества национального гения настолько велико, что эти две даты широко отмечают во всём мире. Федор Михайлович Достоевский остается и сегодня нашим современником, потому что его романы, повести, рассказы являются видимыми, значимыми, как эвересты жизни

человеческой, — на все времена. И всё потому, что взыскующая совесть вела его прямо к центру души — Христу Спасителю.

В этой книге помещена моя повесть и некоторые размышления, связанные с неизвестными или малоизвестными событиями жизни и творчества великого писателя. Рассказываю и о том, как его книги, спектакли, кинофильмы по его произведениям вошли в мою жизнь.

Повесть «Я жажду» строго документирована. Меня поразило, что многочисленные исследователи творчества Достоевского прошли мимо события, которое стало причиной смертельного исхода писателя. Ночью кровь горлом пошла у Федора Михайловича не потому, что его ручка закатилась под этажерку с книгами и он приподнял ее, как пишет Анна Григорьевна в своих воспоминаниях, а потому, что именно этой ночью в соседней квартире была засада жандармов и в нее попал Александр Баранников, одна из ключевых фигур организации «Народная воля». «Бомбисты»,

как их называли, готовили очередное покушение на императора Александра II. До последнего часа Федор Михайлович был в гуще тех роковых событий в России, которые буквально ломались в его дверь. Ведь по одной лестнице, что вела в квартиру, поднимались и обер-прокурор Священного Синода Константин Победоносцев, посещавший Достоевского, и Александр Баранников, лютей враг обер-прокурора. Подобные факты, которые на первый взгляд кажутся случайными совпадениями в судьбе Достоевского, на самом деле во многом стали определяющими в творчестве писателя.

В разделе «Размышления» помещены заметки, которые, надеюсь, помогут читателю понять, **почему мы должны воспринимать жизнь Достоевского прежде всего как жизнь православного христианина**. Рассматривая его творения с этой точки зрения, мы понимаем, почему писатель не боялся показывать темные стороны души человека,

и видим, как путь великого писателя проходил через страдания к взлетам души, к тем высотам, где Свет Христов. Ибо, по слову Аполлона Майкова, поэта, друга, творчество которого Федор Михайлович хорошо знал и любил: «Чем ночь темней, тем ярче звезды, чем глубже скорбь, тем ближе Бог».

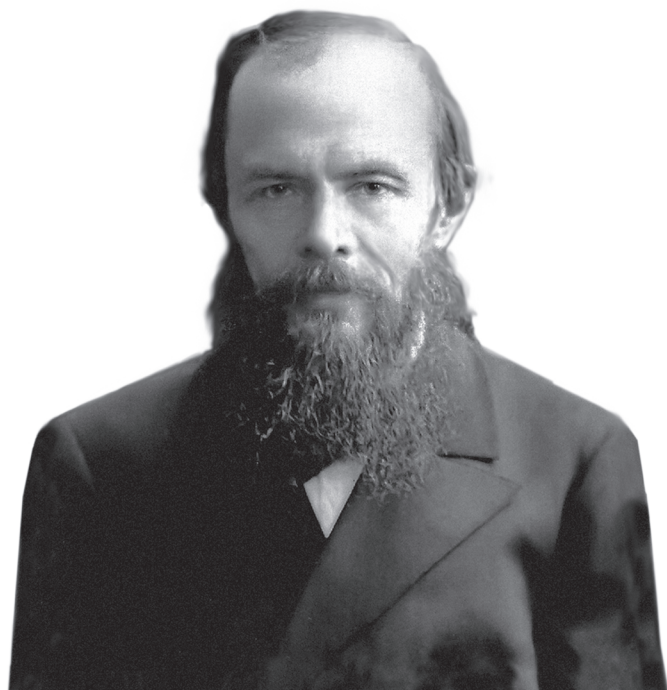
Но более других Достоевский почитал Александра Сергеевича Пушкина, на открытии памятника которому он первым высказал мысль о всемирном значении творчества поэта и назвал его Пророком. Понять, почему он так сказал и кто такой Пророк в библейском, христианском смысле, чрезвычайно важно. Через слова этой речи мы сможем уразуметь, что Федор Михайлович Достоевский своими книгами рассказал не только о времени, в котором жил, но и предсказал, что произойдет с Россией и со всем миром, если люди забудут святоотеческую веру, отвернутся от Христа Спасителя.

Алексей Солоницын

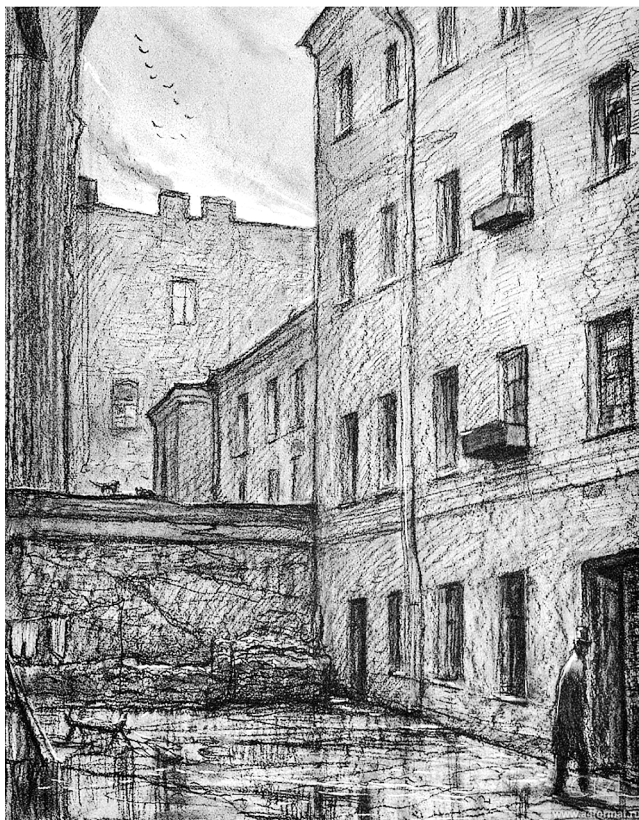
Я ЖАЖДУ

Портреты и хроника

Я в старой Библии гадал
И только жаждал и мечтал,
Чтоб вышли мне по воле рока —
И жизнь, и скорбь, и смерть пророка.

Н. П. Огарев

Повесть «Я жажду» приоткрывает некоторые страницы из жизни великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского, а именно — повествует о последних днях перед смертью, о его страданиях и трудах. Достоевский всю жизнь был религиозной натурой, всю жизнь «мучился», по его выражению, мыслью о Боге. Особенно ярко эти мысли-размышления отразились в «Дневнике писателя», который в конце XIX века выходил в свет ежемесячными

Я ЖАЖДУ. ПОРТРЕТЫ И ХРОНИКА

выпусками. На страницах этого журнала великий русский мыслитель писал о судьбах России и мира и за десятилетия до XX века предсказывал грядущие революции. Много размышлял писатель и о душе русского народа.

Глава первая

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ЯНВАРЯ 1881 ГОДА.

УТРО.

АЛЕКСАНДР БАРАННИКОВ

Грязно-серое, со свинцовыми потеками небо лежало над Петербургом. Воздух, состоящий из мельчайшей водяной пыли, подхваченный резким ветром, леденит грудь. Александр на секунду остановился, захлебнувшись этим утренним петербургским угощением, а потом с силой выдохнул воздух из легких, улыбнулся и запахнул соболиный воротник своего пальто из отличного английского сукна.

— Ну и погода, — продолжая улыбаться, сказал Александр, приветливо кивнув дворнику Трофиму. — А вы всё одно — работаете!

Трофим Скрипин⁴ ответно кивнул и перестал мести у подъезда дома 5/2 по Кузнечному переулку, что на углу Ямской, где он служил.

Скрипину нравился молодой барин из 11-й квартиры, поселившийся здесь с осени. Черные усы и борода у него мягкие, холеные, стать породистая, а глаза голубые и очень добрые.

— Однако и вам дома не сидится, Георгий Иванович, — сказал Скрипин. — Тоже, поди, дела. Ежели что — мы к вашим услугам, — и Трофим поклонился, одернув фартук, надетый поверх овчинного тулупа. Было ему лет сорок, но из-за дремучей густой растительности на лице выглядел Скрипин гораздо старше.

— Спасибо, Трофим: непременно обращусь, коли будет нужда, — и Александр направился к тому месту на Ямской, где можно было взять извозчика.

Объяснимся, читатель.

Александр Иванович Баранников, дворянин Курской губернии, двадцати трех лет, скрывался от полиции и жил под именем Георгия Ивановича Алафузова. Баранников состоял членом Исполнительного комитета партии «Народная воля»⁵.

Садясь в пролетку, Александр как бы невзначай оглянулся — нет ли «хвоста», а потом сказал извозчику:

— На Казанскую.

«А, все эти наши конспирации», — подумал он, усмехаясь, и вспомнил Михаила Фроленко — как они шли вчера вместе ночью, и была такая тишина, такое спокойствие, так мирно спали серые петербургские громады, что казалось невероятной, даже глупой мыслью о какой-то там слежке.

Фроленко сказал:

— А прекраснейшая у нас явка, а, Саша? Выбрал ты квартиру замечательную! — и засмеялся.

Засмеялся и Александр: действительно, кому придет в голову, что здесь, рядом с квартирой знаменитого писателя Федора Достоевского, живет «крамольник»? Кто догадается, что вместе с искателями истины, кои идут испросить совета у любимого писателя, вместе с его поклонниками, в том числе и великосветскими, по той же лестнице поднимаются и «смутьяны»?

Александр печально усмехнулся, вспомнив оловянный взгляд, вонзившийся в него, когда он однажды вышел из квартиры и увидел худого человека с оттопыренными ушами, с какой-то обезьяньей головкой на тонкой шее и ухватистой, длиннопалой кистью, вцепившейся в перила, как в пойманного зайца.

Александр знал, кто этот человек. Это был Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Священного Синода.

Зачем он ходит сюда? Что общего у него с Федором Михайловичем? Впрочем, чему

удивляться. Разве не Достоевский является автором «Бесов»?

Резко пахнуло холодом, ветер хлестанул по лицу. Александр прикрыл щеки воротником: проезжали Певческий мост. Здесь 2 апреля 1879 года Александр Соловьев стрелял в императора Александра II.

Разом вспомнилось всё, что было связано с Соловьевым...

Вот он идет, высокорослый, худой, в шинели, в чиновничьей фуражке, навстречу царю, который прогуливается вокруг Генерального штаба. Соловьев идет через площадь от Министерства иностранных дел в углу штаба. На Певческом мосту стоят пристав (фамилия Зиновьев) и несколько полицейских. Тут же остановились любопытствующие из простонародья.

Жандармский капитан Кох стоит на противоположной стороне площади, у подъезда Министерства финансов, пристально наблюдая за императором. На почтительном

расстоянии от Александра II следует помощник пристава (по фамилии Ляпишев). Пока все они разглядывали человека, который спокойно приближался к царю, Соловьев вынул пистолет и выстрелил.

Царь вздрогнул и бросился бежать — петлями, как на солдатских учениях. Он заорал:

— Ловите!

Первым от шока очнулся капитан Кох. Он выхватил шашку и бросился к Соловьеву.

В это время уже четыре пули просвистели мимо императора.

Кох ударом шашки плашмя свалил Соловьева, но тот успел выстрелить в пятый раз.

Мимо!

«С такого расстояния...» — в который раз подумал Баранников о промахах Соловьева. Хотя и не стоило плохо думать о товарище по борьбе, уже сложившем голову,

Александр сейчас именно плохо думал о Соловьеве. Надо уметь стрелять, ежели ты вышел на борьбу. А Соловьев, как выяснилось, вообще был не способен на выполнение боевого действия. Друг Баранникова, Александр Михайлов, в то время руководитель Центральной группы, рассказывал, почему предпочтение отдали Соловьеву...

Претендентов на схватку с царем было трое. Все они явились неожиданно и враз.

Первым в Центральную группу пришел Григорий Гольденберг⁶. Он держал себя как герой — только что расстрелял князя Кропоткина и сумел скрыться.

Едва начинался спор, как на продолговатом бледном лице Гольденберга с изящной черной бородкой и тонкими усиками появлялась улыбка, которая как бы говорила: «Я был в деле... заглянул смерти в глаза... А вы? Ну зачем вы спорите со мной?»

Вторым вызвался стрелять в царя поляк Кобылянский.

Низкорослый, сухощавый, слабый здоровьем, он более всего, казалось, был озабочен тем, что в деле предпочтут не его. Щеки Кобылянского краснели, если ему предлагали вопросы. Отвечал он сбивчиво, как мальчик, досадуя на эту сбивчивость и боясь, что ее истолкуют как нерешительность или, хуже того, слабость. Было видно, что улыбки Гольденберга он воспринимает почти как оскорбление, — Кобылянский сжимал и разжимал короткие пальцы и закрывал глаза.

Третим претендентом был Соловьев.

Бросив учительствовать в деревне под Торопцом, он пробовал работать в кузнице. Руки оказались негодными для труда... Женился как-то странно — то ли для того, чтобы увезти с собой девушку, дав ей свободу и самостоятельность (то есть фиктивно), то ли по любви... То и другое, кажется, перемешалось.

Михайлов рассказывал, что держался Соловьев крайне возбужденно: часто вставал, ходил по комнате, курил, говорил торопясь, словно захлебывался словами. Особенно когда речь зашла о терроре — в Центральной группе тогда многие вообще были против покушений как средства борьбы.

— Нашлись сразу три новых Каракозова⁷! А не найдется ли и новый Комиссаров? — воскликнул тогда с сарказмом один из членов группы.

— Если этим Комиссаровым будешь ты, то я и тебя убью! — ответил ему человек, с которым они были друзьями, вместе ходили в народ...

Заседание вел Александр Михайлов — признанный авторитет и общий любимец. И на этот раз он сумел найти решение, с которым согласились все:

— Как организация мы не будем помогать покушению. Но индивидуально

каждый может оказывать помощь, если найдет нужным.

— А кандидат? Кто пойдет на царя? — спросил Гольденберг, всем своим видом показывая, что его интересует только это, а не теоретические рассуждения и позиции.

— Покушение может быть истолковано как акт мести за национальность, и тогда репрессалии падут на невиновных. Поэтому на царя нельзя идти ни вам, Гольденберг, ни вам, Кобылянский, — ответил Михайлов.

Соловьев побледнел и встал.

— Отныне Александр Второй — мой, и я никому его не уступлю, — сказал он с неожиданной силой.

Тот холодный, нездешний ветерок, который налетает вдруг неизвестно откуда, когда человек решает пожертвовать жизнью и говорит об этом, когда уходит он в особое, во многом таинственное существование, связанное с ожиданием роковой минуты, коснулся всех участников заседания.

— Уступаю ему место, — сказал Гольденберг и глубоко вздохнул. Как после выполненной тяжелой работы.

Теперь, когда Соловьев казнен, а Гольденберг повесился в Петропавловке, ужаснувшись собственному предательству, становится ясно, что ни тот ни другой не годились для поединка с царем. Нужен был такой человек, как Кравчинский. Вот кто умел показать себя настоящим бойцом! Баранникову отчетливо вспомнился день 4 августа 1878 года...

В группе было четверо: он, Александр Михайлов, Кравчинский и Ольга Натансон.

Мысль о казни шефа жандармов Мезенцева принадлежала Ольге. Она была вдохновительницей этого покушения, ее замысел точно выполнил Кравчинский — Мезенцев рухнул на мостовую замертво.

Александр II тоже упал — но не от пуль Соловьева, а от страха.

Отстреливаясь, группа Кравчинского ушла от преследования.

Соловьева схватили за шиворот, вырвали из руки цианистый калий и потащили в околоток, как вора.

«Да! Что-то получится теперь? — думал Баранников, расплачиваясь с извозчиком и вылезая из пролетки. — У нас теперь подкоп... Неужто снова царь останется живым, как это было уже шесть раз?»

Александр дернул шнурок звонка в квартиру, где жил его товарищ по организации Фриденсон⁸.

Послышались шаги, дверь отворилась, и Александр увидел незнакомого человека с пышными, подковой, усами, с бритым подбородком, в приличном платье и галстукке. Внимательные глаза господина изучали Баранникова, рот приоткрылся, отчего усы двинулись в стороны.

— Прошу-с.

— Мне, собственно, господина...

— Фриденсона? — перебил усатый и вышел на площадку, оставив дверь открытой.

Александр сразу всё понял: особенно выразительной была рука усатого, сунутая в карман. По коридору, к двери, быстро шел жандарм.

Время для отступления было упущено. Баранников, строго и с осуждением глядя на усатого, сказал:

— Мне нужен господин Агатескулов. Никакого Фриденсона не изволю знать.

— Да вы пройдите, — сказал усатый и опять усмехнулся: — Сейчас разберемся.

Жандарм посторонился, пропуская в коридор Баранникова, а наглый усатый господин закрыл дверь.

В комнате Фриденсона оказался еще один жандарм. Увидев Баранникова, он радостно улыбнулся ему, как родному, и сказал: «Аха». Усатый сделал ему знак выйти,

сел в кресло, закинул ногу на ногу и обратился к Александру:

— Ну-с, господин...

— Алафузов, Георгий Иванович. Почетный гражданин города Ставрополя.

— Очень рад, Георгий Иванович. Тут у нас дельце серьезнейшего, можно сказать, свойства. Так что придется вам немного задержаться. Позвольте, однако, представиться: полковник Никольский. Я, знаете, люблю ясность. Вот Василий Игнатьевич Агатескулов, к которому вы изволили прийти, на самом деле есть некто Фриденсон. А вы как изволите называться... на самом деле?

«У кого-то из наших развязали язык, — подумал Баранников о товарищах, которые сидели теперь по казематам Петропавловской крепости. — Кто-то осветил⁹ Фриденсона... Кто?»»

Александр снял пальто, бросил его на диван, достал позолоченный портсигар

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ЯНВАРЯ 1881 ГОДА. УТРО

с монограммой на крышке. Открыл его, предлагая пахитоску полковнику:

— С разными людьми довелось беседовать — я, знаете, человек коммерческий... А вот с жандармским полковником знакомлюсь впервые.

— Эка беда! — иронически ответил полковник, беря пахитоску. — Оно только начни! Глядишь — и привык. — Никольский засмеялся, довольный.

СОДЕРЖАНИЕ

Пророк	7
Вступление	17
Я ЖАЖДУ. Портреты и хроника	21
<i>Глава первая.</i>	
Двадцать пятое января 1881 года.	
Утро. Александр Баранников	25
<i>Глава вторая.</i>	
Двадцать пятое января.	
День. Федор Достоевский	40
<i>Глава третья.</i>	
Двадцать пятое января.	
День. Александр Баранников	76
<i>Глава четвертая.</i>	
Двадцать пятое января. Ночь.	
Федор Достоевский	92

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава пятая.</i>	
Двадцать шестое января.	
Анна Григорьевна	114
<i>Глава шестая.</i>	
Двадцать седьмое января.	
Александр Баранников	155
<i>Глава седьмая.</i>	
Двадцать восьмое января.	
Федор Достоевский	189
<i>Глава восьмая.</i>	
Тридцатое января.	
Николай Страхов	214
Эпилог	245
ДОСТОЕВСКИЙ КАК ВЕСТНИК	
ХРИСТА. Размышления	251
Грозный кулачок девочки	
Матреша	253
«ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТАЙНА»	271
К разгадке тайны	288

СОДЕРЖАНИЕ

ДВА ГЕНИЯ, ДВА ПРОРОКА 299

Примечания 328

Об авторе 343

